

Представление о единстве Руси в эпосе, выразившееся в идеализации Киева и ее князя Владимира, развивалось параллельно реальному объединению русского народа, собираемого властной рукой московского великого князя.

Весьма возможно, что киевская циклизация, зародившаяся еще в XI в.,¹ вторым своим кульминационным пунктом имела XV век, эпоху образования русского централизованного государства. Вот почему и Александр Попович, став в XV в. общерусским героем, начинает впервые упоминаться в общерусских летописных сводах также в XV в. — в самый разгар эпохи трудного становления русского государства.

Мы не распространяем историю сюжетов об Александре Поповиче на историю всего русского эпоса. Возможно, что история других сюжетов покажет и иной путь циклизации эпоса. Однако даже если история приурочения сюжетов об Александре Поповиче ко времени Владимира I стоит одиноко в истории былевых сюжетов, — она отнюдь не должна быть признана случайной и в своем роде не закономерной.

9

Чем шире были задачи, которые ставил себе летописец, тем чаще прибегал он к показаниям народного исторического предания. Эти данные исторической памяти народа внедрялись в летопись каждый раз, когда летопись отражала общенародные интересы; так было в XI в., так было и в XV в. Между тем отношение летописца к фольклору в XI и в XV вв. было глубоко различным. В XI в. фольклор оказывал воздействие и на самую форму летописных записей, имел существенное значение в формировании летописного жанра; в XV в. исторические песни входили в летопись своими сюжетами, темами, упоминаниями и идейным содержанием, однако, следов воздействия фольклорной формы на форму летописания в позднем летописании мы не находим.

Весьма возможно, что такая разница воздействий фольклора на летопись в XI и в XV вв. объясняется отличием той стадии развития, в которой находились и летопись и эпос в XV в., от их взаимоотношения в XI в. В XI в. не было устоявшейся формы летописания: фольклор и воздействовал на нее в этой, наименее устойчивой ее части. В XV в. форма летописи устоялась; устоялась как вполне отличная, своеобразная, возможно стиховая, и форма эпоса, которая, следовательно, не могла воздействовать на чуждую ей, глубоко отличную летописную форму. С другой стороны, в XV в. эпос формировался под влиянием тех же объединительных идей, которые были движущей силой всей русской жизни XV—XVI вв.

¹ Один из признаков начавшейся в XI в. циклизации вокруг Владимира I Святославича видим в сказании о кожемяке, где основание города Переяславля Южного перенесено во Владимирово княжение (на самом деле Переяславль Южный упоминается еще в договоре с греками 911 г.).